

ВЛИЯНИЕ ТЕОЛОГИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА СТАНОВЛЕНИЕ СЕКУЛЯРНОЙ МЫСЛИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДЖОНА МИЛБАНКА

МАКСИМ ПЕРЕСЛАВЦЕВ

Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия)

Аспирант

Контакт: mpereslavcev@gmail.com

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются взгляды известного английского теолога Джона Милбанка на то, как теологические понятия, разработанные в эпоху позднего средневековья и реформации, способствовали формированию современных социальных наук, а значит знания и изучения пространства секулярного: светской власти, общества и т.д. В статье показано, как онтологические понятия, на анализе которых Милбанк останавливается в своей поздней работе, могли оказать влияние на новые методы политики и экономики, которые принято считать сферой чисто человеческого, безразличного к трансцендентному знания, которое Милбанк анализировал в своём первом значимом труде «Теология и социальная теория». Также в статье доказывается тезис Милбанка о принципиальной значимости богословия для общественно-политической практики и актуальность богословских вопросов для преодоления современных политических проблем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: богословие, секулярное, Милбанк, номинализм, онтология.

INFLUENCE OF THE THEOLOGICAL CONCEPTS OF THE LATE MIDDLE AGES ON THE FORMATION OF THE SECULAR THOUGHT IN THE INTERPRETATION OF JOHN MILBANK

MAXIM PERESLAVTSEV

Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)

Graduate student

Contact: mpereslavcev@gmail.com

ABSTRACT. The article examines the views of the well-known English theologian John Milbank on how the theological concepts developed in the late medieval and reformation era contributed to the formation of modern social sciences, which means knowledge and study of secular space: secular power, society, and so on. The article shows how the ontological concepts, on the analysis of which Milbank concentrates in its late work, could influence the new methods of politics and economy that are considered to be a purely human sphere, indifferent to the transcendental knowledge that Milbank analyzed in its first significant work "Theology And social theory". Also, the article proves that Milbank's thesis on the fundamental importance of theology for socio-political practice, as well as the relevance of theological issues for overcoming contemporary political problems.

KEY WORDS: Theology, secular, Milbank, post-secular, ontology.

Введение

В христианском богословии XX века, как католическом, так и протестантском, проблематика секуляризма затрагивалась не так уж часто. После сильнейшего влияния либеральной теологии вкупе с социологическим авторитетом Вебера и Трёлча, богословы если и поднимали вопрос, касающийся сферы естественного и автономного от божественного начала, то как правило очень осторожно и явно с апологетических позиций¹. Иными словами, сфера секулярного, не связанного с трансцендентным началом — будь то в природе или обществе — принималась как данность, причём данность, которая требовала, чтобы с ней считались, в том числе и в богословии. Наиболее радикально проблема была поставлена теологами «смерти Бога» (Ваханьян, Алтайзер), которые прямо заявили о конце религии².

Однако в 1980-е ситуация стала меняться: пик секуляризма оказался пройден, этот момент был зафиксирован в том числе в социологии (на примерах исламской революции в Иране, нового религиозного пробуждения в США), где возникли дискуссии о деприватизации религии и возвращении её в публичное пространство³. Параллельно этому происходит «теологический поворот» в континентальной философии. Сама формулировка принадлежит Доминику Жанико и касается феноменологии, куда можно отнести, в частности, Жан-Люка Мариона, чьи работы во многом продолжают традицию Деррида и Хайдеггера. На наработки последних опирается и автор «теологии события» Джон Капуто, открыто провозглашающий своей целью формирование так называемой «пост-секулярной философии».

Данный термин — пост-секулярное — возник относительно недавно, и его популяризацию считают заслугой Хабермаса применительно к обществу. Что касается сферы научных исследований, то здесь, на мой взгляд, пост-секулярное следует понимать, во-первых, переосмысление собственно секулярного (как в теории, так и на практике), а во-вторых, попытку представить современный взгляд, который соотносится позитивно с тем, что привыкли считать строго религиозным, в чем-то стирая привычные границы между духовным и светским, секулярным и религиозным. На мой взгляд, именно в таком контексте лучше всего рассматривать мысль современного английского богослова Джона

¹ Х. Кокс, Мирской град: Секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте; Пер. с англ. О.Боровой и К.Гуровской — М.: Восточная литература, 1995. — 261 с.

² Т. Альтицер: Смерть Бога. Евангелие христианского атеизма — М.: «Канон+», 2010. — 224 с.

³ См. например: J. Casanova *What is a public religion? // Religion returns to the public square.* - Johns Hopkins University Press, 2003. - P. 111-135.

Милбанка, одной из главных тем которого и является генеалогия секулярного, главным образом в сферах общества и политики⁴.

Основные взгляды Милбанка

Милбанк не стремится отрицать характерный тезис западноевропейской мысли, что секуляризация родилась в рамках христианства⁵; что он пытается опровергнуть, так это то, насколько секулярное по сути своей соответствует духу христианства, а также то, какими были обстоятельства его генезиса. Вместо того, чтобы рассматривать секулярную эпоху как необходимую стадию, наступившую в результате расколдовывания (Бергер), или секулярное пространство как латентную сферу, однажды обнаруженную и освобожденную от религии (Парсонс, Белла), он считает, что возникновение светской политической науки, политической экономии, а также большинства идеологий, разработавших взгляды на общество, государство, культуру и религию, напрямую связано с поворотом внутри самой теологии. Важнейшую роль в этом по Милбанку имеет сдвиг, осуществленный Дунсом Скоттом и его последователями, в результате чего были отвергнуты основные принципы богословия Фомы Аквинского, в которой по мнению Милбанка ещё оставалась возможность развития социальной теории, допускавшей открытость трансцендентному для всех отраслей человеческой деятельности. В более позднем труде «По ту сторону секулярного порядка» Милбанк отдельно останавливается на четырех онтологических основаниях секулярного: 1) однозначность бытия вместо аналогии, 2) знание по репрезентации вместо знания согласно тождеству, 3) поппулизм, или приоритет возможности над действительностью, 4) понимание причинно-следственной связи как совпадения причин высшего и низшего порядка, а не как влияние первых причин на вторые⁶. Так, если упраздняется различие между сущностью и существованием, то бытие Бога и творения может различаться лишь количественно, но не качественно, а значит, упраздняется представление об идеях в том смысле, в каком о них говорили большинство последователей Платона, и познание осуществляется без соучастия, посредством простого акта «отражения». В то же время бесконечное могущество Бога, которое отстаивали поздние номиналисты, не предполагало ограничение Его воли уже совершенным, действительным, за счет чего на первый план вышла категория возможности, по иронии судьбы

⁴ Milbank, J. *Theology and social theory: beyond secular reason* — Oxford: Blackwell Publishing, 2ed. 2006. - XXXII, 450 p.; Milbank, J. *Beyond secular order: the representation of being and representation of people* — Wiley: Blackwell Publishing, 2ed. 2014. - X, 288 p.

⁵ См. например: Berger, P. L. *The social reality of religion* — Harmondsworth (Midd'x); Ringwood (Vic.), 1973, p. 127-140

⁶ Ibid., p. 28-49

спровоцировавшая вопросы касательно пределов воли Бога и её соотношения с логикой, которые часто использует современный атеизм⁷. Смысл этих четырех моментов будет разъяснен позже, сейчас стоит сосредоточиться на предоставляемом Милбанком генезисе секулярного в рамках социальной теории.

В чём заключался этот поворот? Особое внимание Милбанк уделяет роли политической теологии, поскольку политика была первым пространством, где оказалась возможной реализация секулярного как в теории, так и на практике. Так, «Вслед за Дунсом Скотом в мысли номиналистов Троица утрачивает свою значимость в качестве первой инстанции при обсуждении воли и понимания в Боге... Мир больше не представляется охваченным действиями божественного логоса... вместо этого мы видим пустое божественное единство, которое глухо сталкивается с другими, им учрежденными, обособленными единствами»⁸. При таком отношении Богу к миру как творению доминирующим фактором становится воля: поэтому номиналисты, в частности Уильям Оккам, столь резко различали упорядоченное и абсолютное могущество Бога, отдавая предпочтение последнему. Параллельно этому происходит ревизия римского правового наследия: личность и собственность человека понимаются как область применения неограниченных прав, позднее переосмысленных как *sonatus* — стремление к самосохранению. Согласно политической теологии, человек получает эту сферу от Бога в безвозмездный дар, и хотя люди обязаны соблюдать Божий закон, его интерпретация может означать и то, что на всё Его воля, а значит конкретный закон когда-то может быть нарушен. На практике этому способствовали бюрократизация и желание папского престола сосредоточить бóльшую власть, а также желание определенных кругов этому противостоять: ведь Лютер, протестуя против всевластия римского престола, нисколько не отверг теологическую модель номиналистов, но и поддержал на практике её реализацию в рамках светской власти⁹. Именно такой взгляд в дальнейшем был окончательно оформлен в теориях суверенитета и общественного договора Гроция, Гоббса и Локка. Автор, мыслящий в схожей с Милбанком манере, Уильям Кавано, подробно описал, как долго эти политические теории преподносились как способы решения проблемы «религиозных войн», тогда как на деле «передача власти от церкви государству явно была причиной, а не решением проблемы насилия в XVI-XVII вв.»¹⁰.

⁷ Ibid., p. 38

⁸ Милбанк Дж. Политическая теология и новая наука политики // Логос. 2008., № 4. С. 41

⁹ Лютер М. «О характере светской власти» // Лютер, М. Время молчания прошло: Избранные произведения, 1520-1526 гг. / 2 изд. - Харьков, 1994. - 349 с.

¹⁰ Cavanaugh W. T. *The Myth of Religious Violence. Secular Ideology and the Roots of Modern Conflict*: Oxford University Press, 2009. - p.174, 130-80

На примере этого становления мы можем видеть, как теологическое конструирование светского осуществляется как в теории, так и на практике одновременно. Впоследствии формирование секулярного было дополнено политической экономией: если политическая наука имела дело с проблемой порядка и технологией власти как резкого вмешательства *ex nihilo*, предмет политической экономии состоял в накоплении и распределении материальных благ, а значит знание состояло в провидении и наблюдении¹¹. Взгляды политических теоретиков вроде Гоббса сталкивались с проблемой противостояния воли отдельных индивидов государственному суверенитету, то политической экономии удалось частично избежать данной проблемы: вместо божественного акта утверждения оно использовало «божественное провидение», сформулированное в том числе в принципе «Невидимой руки» Адамом Смитом.

Идея заключалась в том, что каждый индивид преследует свои собственные, корыстные интересы, но в результате мы имеем общее благо в виде прибыли и заработка; в таком положении дел теологическая сторона предстаёт именно в аспекте провидения: Бог способствует общему благу посредством своего постоянного присутствия в историческом процессе. Что особенно важно с точки зрения Милбанка, так это «не-ортодоксальный» характер такого провидения: во-первых, оно полностью известно и поддается калькуляции (что немислимо в отношении Божией воли в традиционном христианском понимании)¹², во-вторых, оно является своего рода обратной стороной самого настоящего конфликта. Здесь Милбанк упоминает важность макиавелиевского понимания добродетели как возможности предвидеть, конкурировать, наживаться; не менее важную роль играет и переоценка морали — делается важным желание как таковое, *libido dominandi*. Джеймс Стюарт критиковал католическую систему распределения общественного блага как чудо манны небесной, тогда как «более регулярное и неизменное провидение: «регуляция нужды», а не милосердия является более надежным средством социального контроля и увеличения населения»¹³. Кроме того, нельзя не отметить, как здесь воспроизводится модель причинно-следственной связи по совпадению высшей причины (Бога) с низшими, вторыми причинами, а не влиянию первой на последние.

Кроме того, дискурс политической экономии оказывается связан с зарождающимися в это время теориями исторического процесса, центральную роль в которых будет играть разделение труда (которое Адам Смит также считал

¹¹ Milbank J. *Theology and social theory: beyond secular reason*, p. 27

¹² Ibid, p. 28

¹³ James Stewart, *The Works: Political, Metaphysical and Chronological* (New York: Augustus M. Kelley, 1967) vol. 1, p. 118. Цит. По: John Milbank. *Theology and social theory*, p. 31

результатом невидимой руки). В дальнейшем эта схема будет пониматься по-разному (например, в позитивизме, гегельянстве или марксизме), но важно то, что посредством растущего авторитета социальных наук она будет гипостазирована, и изобретение секулярного в истории Запада окажется затушевано. Как пишет Чарльз Тейлор, «Заняв только что описанную позицию, человек получает возможность прочно на ней закрепиться, включив её в рамки исторического сознания, возникшего в недрах учтвого коммерческого общества...Это сознание...принимает форму стадильных интерпретаций истории...Эти стадии...описываются в экономических терминах и описываются поступательное движение»¹⁴.

Итак, мы видим, как унивокация, которую отстаивали Дунс Скот и его последователи, способствует появлению современного политического суверенитета, который по своему могуществу лишь количественно уступает суверенитету Божественному, полностью воспроизводя бесконечность божьей воли в рамках своего владения. Отвержение аналогии делает невозможным плавный переход от тождества к различию и от общих понятий к частным, что способствует появлению второго момента: знания согласно репрезентации, а не тождеству. В политике это тоже находит свое проявление: возможности многоуровневого соучастия в такой политике невозможны: высшая власть и законодательные органы, по сути, не могут адекватно перенимать власть у масс, что по сути приостанавливает полноправие индивидов¹⁵. В политической экономии четыре принципа секулярного разума представлены ещё более явно. Так, вот что Милбанк говорит по поводу связи разделения труда в экономике и связанного с ним познания природы: «Природа характеризовалась как бесконечный ряд...часть обширной реализации всех рациональных возможностей. Знание, таким образом, было более или менее точным измерением...и стремилось к точному «представлению» порядка возникновения и телеологической адаптации реальности»¹⁶. Бесконечному числу возможных сущностей противостоит познание согласно правилам «зеркального отражения», которое одно может в таком случае гарантировать различие между возможным и действительным.

Но и после политической теологии и политэкономии влияние теологии на секулярную мысль не заканчивается. Так, по мнению Милбанка, социология религии Дюркгейма восходит к теории познания Николая Мальбранша¹⁷, где нашему видению доступна часть Божественного знания, так как предметы, которые мы видим и знаем, дословно даны нам в Боге, при этом человеческое

¹⁴ Тейлор Ч. Секулярный век. / Пер. с англ. под общ. ред. А.Э. Бодрова. – М.: ББИ, 2017. – с. 369

¹⁵ Milbank, J. *Beyond secular order*, p. 170-76

¹⁶ Цит. По: Milbank J. *Theology and social theory: beyond secular*, p. 39

¹⁷ Ibid., p. 57-59

знание соотносится с божественным произвольным образом, именно за счет воли Бога, Его вмешательства¹⁸. Именно здесь закладывается модель позитивистского отношения «Общество = Бог», так как идеи, дарованные человечеству Богом, универсальны; опять-таки, мы видим здесь примат Божественной воли над разумом и знание согласно правилу репрезентации. Другой источник социологии, как для Дюркгейма, так и для всей немецкой традиции в лице Вебера, Зиммеля и других – философия Канта¹⁹, в которой провозглашается гносеологическое первенство категорий над явлениями, а также невозможность применить первые по отношению к знанию Бога и души²⁰, за счет чего репрезентация и попперизм также сохраняют своё влияние. Ведь достоверность нашего познания обеспечивается только верной схематизацией чувственных данных, а действительность не может быть прежде возможности, так как не является априорной: вспомнить хотя бы знаменитый пример Канта с ста талерами. Несмотря на очевидные различия, две эти философские системы Нового времени, будучи переосмыслены в рамках социологии, осуществляют, по мнению Милбанка, «контроль» над религией, так как, с одной стороны, её видимая часть подлежит категориальному анализу и может быть объявлена частью социального, а с другой – всегда остающееся «невыразимое» (например, понятие «харизмы» Вебера²¹) которое понимается как произвольная сила, периодически вторгающаяся в привычный порядок, не претендуя при этом на коренные трансформации последнего²².

Заключение

В заключение следует сказать, что задачи Милбанка не ограничиваются теологической генеалогией секулярного и развенчанием социологического и других научных и философских дискурсов, которые скрывают это происхождение. Как было показано на примере с политической теологией и политэкономией, онтология секулярного связана с восходящим к язычеству понятию первоначального хаоса, который Бог может только сдерживать, а также проблемы связи бытия и становления²³. Последнюю главу «Теологии и социальной теории» Милбанк посвящает альтернативному взгляду на религию

¹⁸ Мальбранш, Н. Разыскания истины. / Пер. С фр. Е.Б. Смеловой, отв. Ред. Я.А. Слинин – СПб.: Наука, 1999. – с. 278-87.

¹⁹ Milbank J. *Theology and social theory*, p. 63-65, 75-85

²⁰ Кант И. Критика чистого разума. / Пер. нем. – СПб.: Наука, 2008. – сс. 122-200, 354-95; Милбанк Дж. Надзор за возвышенным: критика социологии религии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. №3(31). сс. 218-20, 255

²¹ Вебер М. Избранное: Образ общества / Пер. М.И. Левиной – М.: Юрист, 1994. – с. 98-100

²² Милбанк Дж. Надзор за возвышенным, с. 212-17

²³ Milbank J. *Theology and social theory*, p. 314, 377-84

и общество, в котором ведущую роль играет философия истории Августина (его видение «Двух Градов»), а также его переосмысление связи этики с Богом и её ключевой роли в жизни Града. В дальнейшем Милбанк развивает эту тему, основываясь на Отцах Церкви, Августине и Фоме Аквинском. Таким образом, теологические взгляды Милбанка, включающие как критику секулярной социальной теории, так и проектирование новой социальной науки, которая основывается на христианской онтологии, на изначальном тождестве бытия и блага, а не насилия. Именно в этом состоит позитивный проект Джона Милбанка и всего движения «Радикальная Ортодоксия»²⁴, одним из основателей которой он является. Можно сделать вывод, что данное направление мысли, не столько институционально оформленное, сколько объединяющее по принципу сходства мысли и приверженности традиции, является одним из наиболее глубоких и интересных примеров стратегии развития пост-секулярной мысли сегодня.

REFERENCES

Altizer. Smert' Boga. Yevangelie Khristianskogo ateizma. [The death of God. The gospel of christian atheism]. - Moscow, 2010. 224 p. (In Russian)

Berger, P. L. The social reality of religion — Harmondsworth (Midd'x): Ringwood (Vic.), 1973, p. 127-140

Casanova J. What is a public religion? // Religion returns to the public square. - Johns Hopkins University Press, 2003. - P. 111-135.

Cavanaugh W. T. The Myth of Religious Violence. Secular Ideology and the Roots of Modern Conflict. Oxford: Oxford University Press, 2009. - p.174, 130-80

Cox H. Mirskoy grad: Sekulyarizatsia i urbanizatsia v teologicheskom aspekte [the secular city: secularization and urbanization in theological aspect]. - Moscow, 1995. 263 p. (In Russian)

Kant I. Kritika chistogo razuma [The critique of pure reason]. - St. Peterburg, 2008. 591 p. (In Russian)

Malebranche N. Razyskania istiny [The search after truth]. - St. Peterburg, 1999. 591 p. (In Russian)

²⁴ См. в том числе: Catherine Pickstock, *After Writing: On the Liturgical Consummation of Philosophy* (Oxford: Blackwell, 1998); Conor Cunningham, *Genealogy of Nihilism: Philosophies of Nothing and the Difference of Theology* (London: Routledge, 2002); *Theology and the Political: The New Debate*, ed. Creston Davis, John Milbank, and Slavoj Zizek (Durham: Duke University Press, 2005); D. Stephen Long, *Radical Orthodoxy*. // K. Vanhoozer (ed.) *The Cambridge companion to Postmodern Theology*. - Cambridge: Cambridge University Press 2003; Smith James K.A. *Radical Orthodoxy and the Reformed Tradition: Creation, Covenant, and Participation*. - Grand Rapids: Baker Academic & Brazos Press. 2005. - 304 p.

Milbank J. Policing the sublime: A critique of sociology of religion. (Nadzor za vozvyshennym: kritika sotsiologii religii). Gosudarstvo Religiya Tserkov', 2013. # 3., pp. 210-284. (In Russian)

Milbank J. Political theology and the new science of politics (Politicheskaya teologiya i novaya nauka politiki). Logos, 2008, # 4, pp. 33-54. (In Russian)

Milbank J. Theology and social theory: beyond secular reason. Oxford: Blackwell Publishing, 2ed. 2006. - XXXII, 450 p.

Milbank, J. Beyond secular order: the representation of being and representation of people. Wiley: Blackwell Publishing, 2ed. 2014. - X, 288 p.

Taylor Ch. Sekulyarny vek [A Secular age]. - Moscow, 2017. xiv+967 p. (In Russian)

Weber M. Izbrannoe [Selected works.]. - Moscow, 1994. 704 p. (In Russian)